

А. Л. Лифшиц,

Отдел редких книг и рукописей

Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова

РУКОПИСНЫЙ РОМАН В КНИЖНОМ СОБРАНИИ XVIII ВЕКА: РОМАН “АЗИАТСКАЯ БАНИЗА” В БИБЛИОТЕКАХ ВОРОНЦОВЫХ И ЮСУПОВЫХ

Статья посвящена почти забытому ныне рукописному роману “Азиатская Баниза”, который был переведен на русский язык с немецкого в середине XVIII столетия переводчиком Академии наук В. И. Лебедевым. Сохранившиеся списки романа позволяют увидеть, что читательские предпочтения видных вельмож царствования Елизаветы Петровны мало отличались от пристрастий их никому неизвестных современников, а требования к грамматической и орфографической упорядоченности рукописного текста были далеки от требований, предъявляемых к типографской продукции. При этом рукописная книга в середине — третьей четверти XVIII века вовсе не вытеснена на периферию культурной жизни.

Ключевые слова: XVIII столетие, Российская империя, рукописная книга, переводной роман.

В предлагаемом вашему вниманию сообщении на примере почти неизвестного рукописного переводного романа “Азиатская Баниза”¹ мы хотим рассказать о некоторых наблюдениях над особенностями бытования рукописных книжных текстов в середине — третьей четверти XVIII столетия. Для этого, впрочем, нам придется больше рассказывать о самом романе и его переводчике.

В 1689 году в Лейпциге был напечатан роман в трех книгах молодого писателя Генриха Ансельма фон Циглер-Клипгаузена “Азиатская Баниза”², в котором рассказывалось о приключениях принцессы Банизы и её любви к принцу Балацину. Выдуманная любовная история разворачивалась в Юго-Восточной Азии на просторах современной Мьянмы и Тайланда (Бирмы и Сиам), в вовсе не выдуманных королевствах Ава, Аракан и Пегу, а читатель в занимательной форме получал массу сведений (большой частью вполне верных, но порой и довольно фантастических) о жизни Ост-Индии середины XVI века, включая способы ведения войны, ловли диких слонов или охоты на крокодилов.

Основным источником для романа послужила книга португальского конкистадора, пирата и монаха-иезуита Фернана Мендеса Пинто “Странст-

¹ О романе и его списках см.: *Лифшиц А. Л.* Азиатская Баниза: российская судьба немецкого романа // Век Просвещения. I: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 368–378; *Лифшиц А. Л.* Русская “Баниза”: Забытый роман // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4. С. 118–128.

² *Zigler und Kliphausen H. A. v.* Die asiatische Banise, oder Das blutig-, doch muthige Pegu... Leipzig: J. F. Gleditsch, 1689.

вия”¹, которая с начала XVII по середину XVIII века целиком, по частям и в различных пересказах в составе фундаментальных компиляций выдержала около сотни изданий на разных европейских языках. Во французских изданиях книга Пинто была известна и в России. Так, например, в составе “Истории путешествий” она есть среди книг первого куратора Московского университета Ивана Ивановича Шувалова.

Основанный на заслуживающих доверия источниках любовный и приключенческий роман Циглера оказался чрезвычайно популярен в Германии где переиздавался неоднократно на протяжении всего XVIII столетия². Успех романа был столь велик, что уже в начале века создаются его оперные переработки³. Этого оказалось мало: в 1724 году в Германии выходит продолжение романа, озаглавленное “Вторая часть Азиатской Банисы”, но написанное уже совсем иным лицом⁴. Чуть позже трагедию по мотивам романа пишет будущий корреспондент Екатерины II Фридрих Мельхиор Гримм. А реформатор немецкой сцены Иоганн Готтшед включает в один из томов своего “Немецкого театра”⁵. А еще спустя несколько лет имя принцессы используется уже почти в качестве нарицательного: в 1754 году в романе некоего Фиделинуса она становится принцессой из Английского Суссекса⁶ (перевод этого романа был напечатан в царствование Екатерины II в России⁷).

Надо сказать, что немецкие литературоведы единодушно называют роман Циглера среди произведений, оказавших существенное влияние на немецкую литературу. Т. е мы видим, что это вовсе не рядовое художественное произведение. Привлекательность “Азиатской Банисы” оценили и за пределами Германии. В 1730-х годах его переводят и издают в Голландии, в 1740-х — в Швеции⁸. В России роман переводится на рубеже 40-50-х годов XVIII века, но не издается, а расходуется в рукописных копиях. В настоящее время известно около десяти сохранившихся списков (включая фрагменты) романа.

¹ Несколько сокращенный русский перевод этого увлекательного сочинения: *Фернан Мендес Пинто*. Странствия. М., 1972.

² Leipzig: T. Fritsch, 1700, 1707 (два издания), 1716, 1721, Künigsberg: C. G. Eckart, 1728, 1733, 1738, и т. д.

³ Известно об операх, написанных по мотивам романа Г. М. Гофманом (Georg Melchior Hoffmann — 1684–1715) и И. Ф. Кефером (Johann Philipp Kdfer — 1672–1730).

⁴ [Hattmann J. G.] Fortsetzung der Asiatischen Banise, Oder des blutigen en muthigen Pegu. Zweyter Theil, nach Art Herrn Heinrich Anshelm von Ziegler und Kliphausen. Leipzig, 1724. Этот роман также неоднократно переиздавался.

⁵ *Grimm F. M.* Banise: Ein Trauerspiel. 1743 // Die deutsche Schaubühne / J. C. Gottsched. Leipzig, 1748. Bd. 4. S. 391–462.

⁶ Die Engellndische Banise, oder Begebenheiten der Printzessin von Sussex, in einer Liebes- und Heldengeschichte der curiosen Welt mitgetheilet von C. E. F. Frankfurt-Leipzig, 1754.

⁷ Приключения Аглинской Банисы: любовная и героическая повесть. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Сухопутного кадетского корпуса, 1766 (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. М., 1964. Т. 2. С. 472. № 5648. Существенные уточнения к описанию этого издания см. на сайте Российской Национальной библиотеки <www. nlr. ru>).

⁸ *Zigler und Kliphausen, H. A. v.* De Asiatische Banise, of het bloedige en moedige Pegu... Amsterdam, H. Uywerf, 1731; *Zigler und Klipphausen, H. A. von.* Asiatische Banise, eller Blodiga, dock modiga Pegu... Stockholm, 1741.

Таким образом, в России переводится актуальный литературный текст и переводится тогда, когда переводов художественной литературы с немецкого почти не было. Почему роман не был напечатан? — Мы пока не готовы дать убедительный ответ на этот вопрос. Возможно, барочный роман показался читателям перегруженным экзотическими подробностями, обилием действующих лиц, да и просто пугал своим немалым объемом и не самой простой композицией.

Некоторое время назад нами были предприняты усилия по поиску переводчика, и к настоящему моменту у нас почти нет сомнений, что перевод романа осуществил Василий Иванович Лебедев. Вероятно, я не ошибусь, предположив, что это имя не слишком известно читателю. Фактов биографии Лебедева известно немного. Он — сын рядового Тобольского полка, родился в 1715 году, учился в Славяно-греко-латинской академии, откуда в 1736 г. в числе 12 лучших студентов (включая М. В. Ломоносова) оказался взят для продолжения обучения в Петербург. Здесь он, что важно, учится у блистательного филолога, предшественника Ломоносова в изучении и описании русского языка Василия Евдокимовича Адодурова. В дальнейшем Лебедев остается переводчиком при Академии, переводит с немецкого языка официальные бумаги, работы Я. Штелина и Г. Миллера, и многое-многое другое, в том числе делает многочисленные переводы для “Санкт-Петербургских ведомостей”¹. Среди прочего ему принадлежит перевод сборника “Увеселение женского пола, или собрание разных приключений”, изданный в трех томах в 1764–1765 гг.², однако, как удалось выяснить, (сохранились датированные автографы переводчика) выполненный еще в начале 1750-х гг.³. Удивительной и, кажется, исключительной особенностью Лебедева является незнание никакой иной европейской графики, кроме немецкой. По-немецки он читает все, включая имена.

В романе Циглера главный злодей (реальный бирманский король *Шаумигрен*) получает имя *Хаумигрем*, в соответствии с СН первоначального португальского источника. Роман “Осмин и Даракса” озаглавлен в рукописи Лебедева “Оцмин и Даракса”⁴ в соответствии с Z (Ozmin) оригинала. В “Истории покорения Мексики” Солиса-и-Рибаденейра⁵ у Лебедева действует конкистадор со звучной испанской фамилией *Феласкец* (Velaskez). Даже имена нарицательные пострадали: например, в романе “Азиатская Баниза” королевские подданные именуются у Лебедева *фазалами* (vasal). Примеры можно было бы умножить. Но замечателен Василий Иванович Лебедев не только этим. Он умелый переводчик, замечательно владеющий русским языком. Он легко избегает слепого следования конструкциям немецкого текста, его переводы лишены тяжеловесности, а порой просто на

¹ О нем см.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К-П). СПб., 1999. С. 190–191.

² Увеселение женского пола, или Собрание разных приключений. Ч. 1–3. СПб., 1764–1765.

³ Датированные 1754 годом автографы В. И. Лебедева хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук. Разряд II. Оп. 1. Ед. хр. 36–37.

⁴ СПб. Архив РАН. Разряд II. Оп. 1. Ед. хр. 36.

⁵ *Солис-и-Рибаденейра А.* История покорения Мексики. Ч. 1–2. СПб., 1765.

удивление изящны. Стихи, которых в романе немало, уступают стихам Сумарокова или Ломоносова, но, пожалуй, гибче и живее, современных им творений Василия Кирилловича Тредьяковского¹. Но переводами деятельность Лебедева не ограничивается: в 1746 году печатается составленное им пособие по изучению латинского языка “Сокращение грамматики латинской”², которое в 1750-х годах Ломоносов рекомендовал для обучения в академической гимназии и которое оставалось актуальным до начала XIX века. А одиннадцатое издание грамматики увидело свет в 1817 году.

Итак, роман “Азиатская Баниза” был переведен человеком неординарным, образованным, враждавшим в ученой среде, талантливым, а кроме того, не чуждым грамматической науке. Знакомство с Адодуровым и Ломоносовым, несомненно, делало нашего героя в той или иной степени вовлеченным в полемику вокруг русского языка человеком. К сожалению, мне не удалось найти списка “Азиатской Банизы”, который можно было бы напрямую связать с переводчиком (возможно, такой список не сохранился), но нет сомнений, что перевод романа Циглера, подобно тем переводам Лебедева, которые сохранились в автографах, демонстрировал строгое следование выбранным правилам русской орфографии, грамматики и пунктуации.

Но автограф Лебедева нам недоступен, а списки, которыми мы располагаем, выполнены людьми далеко не столь образованными. Существующие рукописи, содержащие текст романа, датируются 50–70 гг. XVIII века. И вот что их объединяет: при всех кодикологических и текстологических различиях этих списков все они объединены тем, что их переписчики (сколько бы ни было их в каждом конкретном случае) не прилагали ни малейших усилий, чтобы получающиеся тексты были похожи в языковом отношении на книги, вышедшие из типографии. Это означает прежде всего, что переписчики ориентировались на канцелярские нормы письма, где орфография подчинялась произношению, написания вроде “прекрасное пренцеса” были допустимы, унификация орфографии вовсе не предполагалась, а прописные буквы обозначали начало листа независимо от того, совпадало ли это начало с делением текста на фразы. С нашей современной точки зрения текст изысканного романа в рукописных копиях уже подвергался порче. Но если бы дело было только в орфографии!

Все сохранившиеся списки романа Циглера в той или иной степени дефектны — издержки ручного труда. Механические пропуски слов, строк и

¹ Позволим себе привести отрывок стихотворения, которое в романе “Азиатская Баниза” влюбленный “Зиаковский” (Сиаковский) принц Неранд посылает своей возлюбленной принцессе Аванской Гикванаме:

Судба моя пламень толко размножает,
Нудя бес пользы мя гореть,
Страдать безвинно мне определяет.
Ах, возможно ль то стерпеть.
Очи льют слез горьких реки,
Сердце замирает,
Но забыть не может в веки,
Кем оно сгорает.

² Сокращение грамматики латинской. СПб., 1746.

даже целых листов — не утраты вследствие активного чтения — не единичны. Переписчик пропускает строку, потому что герой романа употребляет в своей речи анафорические конструкции и глаз переписчика “соскальзывает”. Страницу — потому что ее не было в протографе или потому что соседние страницы склеились или перелистнулись вместе, слово — потому что отвлелся, а иногда — потому что не понял, что написал предшественник.

Вообще ошибок, связанных с тем, что переписчик не понимал скоропись своего предшественника, довольно много, нередко вместо непонятого слова написано нечто несоответствующее вообще ничему. Такие ошибки выдают механический характер создания копий: переписчики явно не вчитывались в текст. Отчасти это и не удивительно. Так рукопись, принадлежавшая знаменитому вельможе Екатерининского царствования князю Николаю Борисовичу Юсупову¹, переписывали около десяти человек, каждый из которых, вероятно, ни малейшего представления не имел о сюжете романа за пределами отведенных ему тетрадей. Только механическим переписыванием можно объяснить то, что в одном случае у уже упоминавшейся нами Аванской принцессы Гикванамы локоны оказываются *горными*, а не черными, а написанное под титулом и сокращенное слово *небо* переписчик принимает за союз *ибо* и уж, конечно, вовсе не заботится о том, чтобы текст имел какой-либо смысл.

И вот, наконец, мы подошли к тому, ради чего мы занимаем ваше внимание.

Списки романа держали в руках разные люди в разных частях Российской империи. Похожие по облику, орфографии, отражению грамматики русского языка рукописные книги с романом “Азиатская Баниза” находились у уездного казначея отставного прапорщика Ребровского в Пензе² и князя Юсупова в Петербурге, у неизвестного артиллерийского капитана Маслова³, в глухой Олонецкой провинции⁴ и у графа Воронцова⁵.

¹ В настоящее время рукопись хранится в Государственном музее-усадьбе “Архангельское”, инв. № 8502.

² В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве хранится сильно поврежденный список романа. По нижним внешним углам каждого листа — буквы, которые складываются в повторяющуюся надпись: “Сия гистория вахмистра Николая Ребровскаго” (ОПИ ГИМ, ф. 96 (Рукописные сборники), № 709). Николай Васильевич Ребровский вышел в отставку в чине прапорщика и с 1781 по 1791 г. занимал должность уездного казначея в г. Пензе, дослужившись до чина коллежского ассессора (Адрес календарь на 1781 год. С. 363; Адрес календарь на 1791 год. С. 233).

³ Маленькая по формату (8е) рукопись, содержащая Первую книгу романа, хранится в Российской Национальной библиотеке: Q. XV. 52/1. На форзацном листе находится залитая чернилами владельческая запись: “Сея книги владелец артиллерии капитан Иван Маслов”. Запись при помощи различных технических средств помог прочесть сотрудник РНБ Д. Цыпкин, которому, пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю признательность.

⁴ *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 189. № 199. В настоящее время рукопись находится в собрании Библиотеки Российской Академии наук — БАН, 32. 10. 11. (Сев. 622). Описание В. И. Срезневского с некоторыми сокращениями вошло в: Описание РО Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1951. Т. 4. Вып. 1: (Повести, романы, сказания, сказки, рассказы). С. 38.

⁵ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН, ф. 36 (Воронцовых) оп. 1, ед. хр. 826.

А это значит, что качество текста рукописной книги, столь отличное от качества текста книги печатной, (а с нашей современной точки зрения, ужасное) воспринималось, по крайней мере, как допустимое каждым из читающих членов общества, как бы ни разнилось их имущественное положение, сколь бы ни был различен их уровень образования, каковы бы ни были их культурные пристрастия. Рукописный список актуального литературного произведения, несмотря на досадные дефекты, занимал свое место на полке рядом с произведениями лучших российских и европейских типографий, соседствовал с ними в каталогах книжных собраний¹.

Наличие рукописных списков романа в библиотеках представителей двух выдающихся семейств XVIII столетия, как кажется, неоспоримо свидетельствует о том, что и для самых просвещенных людей орфографический беспорядок и грамматическая неурегулированность языка отступала на второй план перед захватывающим повествованием.

Историки, в том числе историки языка, часто оказываются предвзятыми в силу того, что исследователю доступны прежде всего разного рода маркированные, а то и манифестированные факты. Хорошо изученные свидетельства бурной полемики, которая велась вокруг русского языка в XVIII веке, заслоняют и делают совсем неясным то, что рукописная книга продолжала оставаться весьма востребованным способом передачи информации, при этом не слишком зависимым от взглядов просвещенных спорщиков, как не зависели от этих взглядов представители семейств Воронцовых и Юсуповых.

Приложение. Два отрывка из романа Г. А. фон Циглер-Клиппгаузена “Азиатская Баниза”. Перевод В. И. Лебедева, ок. 1750 г.

[Хаумигрем]

Он был собою очень мал, спина же его и ноги, яко сговорились друг другу в кривости не уступать. До пояса висящие рыжие волосы были, напротив того, и так и сяк оправлены, якобы оные на смычке натянуты и вместо канифоли салом вымазаны были, что весьма изрядное во время солнца сияние производило. Голова была необычайной величины, однако ж лицо долго и узко, весьма сухо и таким великим носом снабдено, что казалось, якобы голова — весьма малой прибавок оного был, которой еще к тому такую непристойную кривость представлял, что яко сабля чрез губы висел. Глаза вросли весьма глубоко в лоб, которых яблоки за висящими вниз красными бровями не без труда видеть можно было. Такого ж цвету окружала весьма редкая отворенной рот его борода. И мне весьма удивительно, что его принцесса издала приметить не могла, понеже дух его столь пронизателен был, чтобы он тем и самого неприятеля с поля согнать мог, ежели бы оной пушками не окружен был и тем вонь сия не заглушилась. Какого же высокого колеру он был, можно из того рассудить,

¹ Так, например, у библиофила Николая Борисовича Юсупова список романа включен в роскошный рукописный каталог библиотеки 1800 года.

что понеже и он в придворной траур (яко то черное с желтым) одет был, то невозможно было тело его со оным различить. И, одним словом, это был самый крокодил любви и урод приятностей.

[Пожар в Одии]

Между тем зачинал огонь зажженных кораблей безмерно умножаться. Ибо оных горело более шестидесяти, которые хотя и посреде воды, однако ж великое пламя до самых облаков испускали. И сие пламя, провожаемо будучи пресильным ветром, обратилось к городу. И видно было в один момент с одного места на другое переходяще. Ибо горящие канаты и все парусы кораблей летали и падали искрами на все около лежащие места. А понеже неприятель в убийстве, грабеже и насильстве упражнялся, испужавшиеся же и побежденные зиямцы о напрасном только спасении жизни и для того ни о каком тушении не помышляли, того ради умножился огонь так, что и сами разъярившиеся неприятели от того испужаться принуждены были. Между сим светло светящим пламенем поднялся прегустой дым которой для темноты своей ужас сего ужасного пожара еще более умножил. А понеже великое множество искр, яко огненной град или снег, на город опять падали, того ради на оное ужасно смотреть было. И дым покрывал много раз так, что светлой день в страшную полночь переменялся. А когда солнце за прегустой дым тот спряталось, тогда казалось, якобы ночь несколько часов ранее наступила. Никто бы не мог знать, куда бежать, ежели бы иногда пламя сквозь дым не пробивало и жалостные стоны сгорающих \ других не остерегали назади остаться. И буде бедные люди уходили в неповрежденное от огня место, то попадали они пожирающему мечу, которой таким же образом так жестоко ярился, якобы огню одною только человеческою кровию должно погашену быть. Иногда падали кровли домов на улицу и зарывали людей в горящую могилу, а иногда падали дома внутрь, и казалось, пламя погашено быть, но оное однако ж чрез то еще более и толь преужаснее опять выбивалось. Затворы и брусья трещали и расседались, так что потолки и стены вниз великою кучею падали. Иногда же зажигал горячей дом другой подле себя снизу или с середины, инде падали целые кровли или прилетали горящие головни прежестоким ветром в улицы. А в ином месте потряслось основание от падения низверженных башен, и преужасные сии удары сии престрашные громы, стуки и трески еще бы боле и дале слышны были, ежели бы оных стон и плачи частию от огня, частию же от сабли умирающих не разглушали. И перо бы мое напоследок устало погибель на всех странах бывшую описывать, ибо что огонь щадил, то наполнено было от немилосердых браман убийством и смертию. Так что кровь сухими улицами, яко реками, текла. Здесь видны были тела старых и молодых, преужасным образом изрублены, в крови лежащие. И невозможно было почти ступить, чтобы хоть в одном месте тела миновать. Улицы казались отрубленными головами руками, ногами и до половины сгоревшими телами намощены быть. Тамо лежал еще на стенах разбрызганной мозг невинных детей, которых проклятые победители разбивали, и младенцы лежали еще у студеных грудей матерей своих, сосали

вместо молока текущую кровь их и захлебывались, визжали и кричали столь жалко, чтобы и камни от того расседаться принуждены были.

А. Л. Ліфшиц,

відділ рідкісних книг та рукописів

Наукової бібліотеки МДУ імені М. В. Ломоносова

РУКОПИСНИЙ РОМАН У КНИЖКОВОМУ ЗІБРАННІ XVIII СТОЛІТТЯ: РОМАН “АЗІАТСЬКА БАНІЗА” У БІБЛІОТЕКАХ ВОРОНЦОВИХ ТА ЮСУПОВИХ

Резюме

Стаття присвячена майже забутому на цей час рукописному роману “Азіатська Баніза”, що був перекладений на російську мову з німецької у середині XVIII століття перекладачем Академії наук В. І. Лебедєвим. Списки роману, які збереглися, дозволяють побачити, що читацькі переваги видних вельмож царювання Єлизавети Петрівни мало відрізнялися від пристрастей їх нікому не відомих сучасників, а вимоги до граматичної та орфографічної впорядкованості рукописного тексту були далекі від вимог, які ставились до типографської продукції. При цьому рукописна книга середини — третьої чверті XVIII століття зовсім не витіснена на периферію культурного життя.

Ключові слова: XVIII століття, Російська імперія, рукописна книга, перекладний роман.

A. L. Lifshits,

Scientific Library of the Moscow M. V. Lomonosov University

A MANUSKRIFT NOVEL IN THE BOOK COLLECTION OF THE XVIIITH CENTURY: A NOVEL “DIE ASIATISCHE BANISE” IN THE LIBRARIES OF THE VORONTSOVS AND THE YUSOUPOVS

Summary

The article is devoted to the manuscript novel “Die asiatische Banise” almost forgotten nowadays which was translated from Russian into German in the middle of the XVIIIth century by a translator of the Academy of Sciences V. I. Lebedev. The survived variants of the novel make it possible to realize that the readers’ preferences of the noted magnates of the reign of Elizaveta Petrovna differed very little from those of their unknown contemporaries, and the requirements as to grammatical and spelling regularity of a manuscript text were quite far from the demands made to printed production. Nevertheless the manuscript book in the middle and the third quarter of the XVIIIth century wasn’t ejected to the periphery of the cultural life.

Key words: XVIIIth century, Russian Empire, a manuscript book, a translated novel.